

УДК 343.1

*Хадеева Анна Николаевна**магистрант,**кафедра уголовного процесса и прокурорского надзора,**Байкальский государственный университет,**г. Иркутск, Российская Федерация,**e-mail: khadeyeva.anna96@gmail.com*

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАДЕРЖАНИЯ КАК МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье дается подробный анализ применения задержания как меры уголовно-процессуального принуждения в России, акцентируется внимание на проблемах его применения, рассматриваются правовые и процедурные аспекты, в которых практика задержания может противоречить конституционным правам. Автор проводит оценку существующей правовой базы, посвященной вопросам задержания, выявляет возможные сферы злоупотреблений при применении задержания как меры уголовно-процессуального принуждения. В статье предлагаются изменения действующего законодательства, направленные на балансирование общественных интересов и прав личности.

Ключевые слова: задержание, уголовное судопроизводство, права человека, меры процессуального принуждения, злоупотребление правом.

*Anna N. Khadeeva**Master's Degree Student,**Department of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision,**Baikal State University,**Irkutsk, Russian Federation,**e-mail: khadeyeva.anna96@gmail.com*

PROBLEMATIC ISSUES OF DETENTION AS A MEASURE OF CRIMINAL PROCEDURAL COERCION

Abstract. The article provides a detailed analysis of the use of detention as a measure of criminal procedural coercion in Russia, focuses on the problems of its application, examines legal and procedural aspects in which the practice of detention may contradict constitutional rights. The author evaluates the existing legal framework on issues of detention, identifies possible areas of abuse in the application of detention as a measure of criminal procedural coercion. The article proposes changes to the current legislation aimed at balancing public interests and individual rights.

Keywords: detention, criminal proceedings, human rights, measures of procedural coercion, abuse of law.

Вовлечение граждан в уголовное судопроизводство неразрывно связано с ограничением их основных прав и свобод. При применении такой меры процессуального принуждения, как задержание, ограничивается неприкосновенность личности и её право на свободу передвижения. Любое действие правоохранительных органов, которое непосредственно связано с ограничением прав и свобод гражданина, должно быть строго регламентировано для обоснования его необходимости и законности.

Государство взяло под защиту права и свободы человека и гражданина, но при этом установило исключительные случаи их ограничения средствами принуждения, что объясняется публичными интересами. Неоправданное ограничение и нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина имеют место в правоприменительной деятельности, в т.ч. в результате злоупотреблений должностных лиц.

Наиболее концентрированными формами ограничения гарантированного ст. 22 Конституции РФ [1] права на свободу и личную неприкосновенность являются содержание под стражей и задержание, при этом последняя форма, по сути, имеет оперативный досудебный характер.

В то же время рассматриваемое конституционное право не является абсолютным и, согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, может быть ограничено в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. При этом Конституция РФ требует, чтобы формой ограничения этого права выступал только принятый в установленном порядке и вступивший в законную силу федеральный закон.

Одним из таких федеральных законов, допускающих ограничение конституционного права на свободу и личную неприкосновенность, является действующий УПК РФ. Опираясь на законный интерес государства и общества защищать себя от преступных посягательств, УПК РФ определяет границы допустимого вмешательства государственных органов в права и свободы граждан при расследовании уголовных преступлений. При этом УПК РФ гарантирует исполнение основополагающих начал Конституции РФ. В п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ в качестве назначения уголовного судопроизводства предусматривается защита личности не только от незаконного обвинения и осуждения, но и необоснованного ограничения ее прав и свобод [2]. Развивая конституционные постулаты, законодатель предусматривает в ст. 10 УПК РФ, корреспондирующие Основному закону положения, посвященные неприкосновенности личности.

В реализации уголовного правосудия неотъемлемый конфликт между общественной безопасностью и правами личности является центральной темой, особенно в контексте борьбы с преступностью. Данные противоречия требуют соблюдения баланса, поскольку оба элемента жизненно важны для функционирования правовой системы и стабильности общества. С одной стороны, потребность государства в задержании становится важнейшим инструментом обеспечения безопасности граждан. Данная необходимость обусловлена тем, что для

предотвращения общественно опасных деяний государство требует возможности временно заключать под стражу лиц, подозреваемых в причастности к таким деяниям. С другой стороны, защита от произвольного задержания является фундаментальным правом, подчеркивающим важность соблюдения законности процедур задержания и проверок для предотвращения злоупотреблений государственной властью. Конституционный Суд России сыграл значительную роль в установлении этого баланса. В своем Постановлении от 22 марта 2005 года № 4-П [3] суд признает положение закона об ограничении свободы и личной неприкосновенности как средство достижения баланса между правами на свободу личности и обязанностью государства защищать общественные ценности. Такая судебная позиция подчеркивает признание правовой системой хрупкого равновесия, которое необходимо поддерживать между свободой личности и общественной безопасностью.

Одним из наиболее важных первичных этапов во взаимодействии между подозреваемыми и правоохранительными органами является задержание. Соблюдение интересов обеих сторон на данном этапе имеет существенное значение и необходимо для соблюдения конституционных прав подозреваемого на свободу и личную неприкосновенность, а также защиты интересов государства в сохранении общественной безопасности. Подход законодателя к сохранению данного баланса заключается в четком определении оснований, условий и сроков задержания при одновременном предоставлении процессуальных гарантий, таких как юридическая помощь, что призвано защитить права личности, одновременно позволяя государству выполнять свои обязанности по предотвращению преступности и борьбе с ней.

Так, за 2019 год следователями задержано 84 тыс. 383 лиц, подозреваемых в совершении преступлений, освобождено 12 тыс. 109, из них: 11 тыс. 262 – в связи с отсутствием оснований для применения заключения под стражу, 199 – в связи с неподтверждением подозрения; за 2020 год всего задержано – 77 тыс. 223, освобождено 11 тыс. 313, из них: 10 тыс. 399 – отсутствие оснований для применения заключения под стражу, 172 – неподтверждение подозрения; за 2021 – 72 тыс. 87, всего освобождено – 12 тыс. 271, из них: 11 тыс. 74 – отсутствие оснований для применения заключения под стражу, 246 – за неподтверждением подозрения; за 2022 год – 72 тыс. 321, освобождено 11 тыс. 593, из них: 10 тыс. 327 – отсутствие оснований для применения заключения под стражу, 154 – подтверждением подозрения соответственно [4].

Тенденции статистики задержаний с 2019 по 2022 год дают существенное представление о практике применения задержаний. Число задержанных в целом уменьшилось, однако значительная часть данных лиц освобождается из-за отсутствия оснований или неподтверждения подозрений. Такая ситуация отражает потенциальные нарушения прав и подчеркивает необходимость строгого соблюдения юридических процедур и обоснований в процессе задержания. Значительное количество освобожденных задержанных не только ставит вопросы об эффективности и точности правоохранительных процедур. Проблемы в практике за-

держания частично объясняются несовершенством правового регулирования задержания в рамках уголовного судопроизводства. Данные проблемы являются отражением более широкой дискуссии в юридической литературе относительно истинной правовой природы задержания как меры процессуального принуждения. Данные споры носят не просто академический характер, они имеют практические последствия в отношении того, как осуществляется и регулируется задержание. В данной дискуссии есть две основные теории. Первая теория, отстаиваемая такими авторами, как В. Н. Григорьев и Б. Я. Гаврилов рассматривает задержание как меру уголовно-процессуального принуждения. Данная точка зрения рассматривает задержание как механизм краткосрочного лишения свободы у лиц, подозреваемых в преступной деятельности. Указанная теория согласуется с необходимостью государства временно ограничить свободу личности ради более широкой цели обеспечения общественной безопасности и порядка.

В соответствии со статьей 108 Уголовно-процессуального кодекса России предусмотрена необходимость вынесения судебного решения о содержании подозреваемого под стражей, которое должно быть вынесено в течение 40 часов с момента задержания. Данное положение подчеркивает основополагающий принцип процесса уголовного правосудия: защита индивидуальных свобод от произвольного задержания. Роль судов в этом контексте выходит за рамки простой процессуальной формальности и включает в себя процесс принятия решений по существу, в ходе которого на суды возлагается ответственность за принятие решения о мере пресечения, включая содержание под стражей. Данная роль является не только процессуальной необходимостью, но также повышает восприятие и реальность судебного контроля над процессом. Верховный Суд России в постановлении Пленума от 19 декабря 2013 г. № 41 [5] указал, что в постановлении о рассмотрении ходатайства в порядке ст. 108 УПК РФ суду следует дать оценку обоснованности подозрения в совершении лицом преступления, а также наличию оснований и соблюдению порядка задержания подозреваемого, в целях обеспечения соблюдения статей 91 и 92 Уголовно-процессуального кодекса. Однако, несмотря на данные правовые положения, существует растущий скептицизм относительно эффективности данного процесса. Критики утверждают, что существующая система неадекватно позволяет подозреваемым оспаривать законность и обоснованность задержания, что вызывает беспокойство по поводу эффективности судебного надзора в защите прав личности.

Указанный скептицизм частично коренится в ограниченности судебных возможностей, доступных судьям. Роль судьи преимущественно сводится к рассмотрению обоснованности задержания и необходимости избранной меры пресечения, что не дает судьям достаточных полномочий для устранения потенциальных несоответствий или более широких вопросов законных прав и процессуальной справедливости. Данное ограничение становится особенно очевидным в ситуациях, когда задержание, первоначально признанное незаконным, впоследствии подтверждается достаточными доказательствами. В таких сценариях суды сталкиваются с серьезной дилеммой из-за ограниченности вариантов принятия

решений согласно части 7 статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса. Данная часть ограничивает принятие решения судом либо решением о заключении под стражу, либо отклонением ходатайства, либо продлением задержания при определенных условиях. Более того, статья 94 Уголовно-процессуального кодекса вносит противоречие, наделяя полномочиями выносить решение об освобождении подозреваемого только дознавателя или следователя, а не суд. Данное положение создает ситуацию, когда лицо, ответственное за задержание, также наделено полномочиями освобождать подозреваемого, исключая суд из данного важного аспекта процесса отправления правосудия.

Таким образом, законодательная база содержит противоречие между обещанием судебной защиты и фактическими ограниченными возможностями ее реализации, что подчеркивает более широкую проблему российской системы уголовного правосудия: двойственную природу задержания. Двойственная природа предполагает сложное взаимодействие между правовыми принципами и практическим применением. С одной стороны, существует четкое законодательное намерение обеспечить судебный надзор и защиту прав личности. С другой стороны, существует практическая реальность, характеризующаяся ограниченностью судебной сферы, процессуальными ограничениями и потенциальным дисбалансом полномочий, которыми наделены различные субъекты системы уголовного правосудия. Данная двойственность отражает более глубокие проблемы в согласовании правовых принципов с их практическим применением, обеспечении не только видимости правосудия, но и его эффективного и справедливого осуществления.

Некоторые правоведы связывают задержание со следственными действиями, как это предполагалось статьей 119 УПК РСФСР. Данная точка зрения рассматривает задержание не просто как ограничительную меру, но и как неотъемлемый компонент следственного процесса. Указанное толкование основано на понимании того, что задержание служит не только для обеспечения присутствия подозреваемого, но и для облегчения расследования, предотвращая уничтожение доказательств или оказание влияния на свидетелей. Однако взгляды ученых-юристов на природу задержания заметно расходятся. Узкий подход, представленный такими деятелями, как Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин, фокусируется прежде всего на поисково-познавательных аспектах задержания. Данный подход подчеркивает функциональную роль задержания в сборе доказательств и получении информации, необходимой для расследования. И наоборот, более широкий подход, отстаиваемый такими учеными, как И. М. Лузгин и А. М. Ларина, охватывает всю деятельность органов предварительного расследования, рассматривая задержание как многофункциональный инструмент в рамках уголовного процесса [6, с. 93]. Сторонники широкого правового подхода обосновывают свою позицию тем, что задержание как форма государственной власти, осуществляемая органами дознания или предварительного следствия, по своей сути обладает характеристиками следственного действия. Данная точка зрения утверждает, что содержание под стражей выходит за рамки простого принуждения,

охватывая различные аспекты следственного процесса и тем самым оправдывая его классификацию как следственное действие.

Следует, однако отметить, что точка зрения законодателя, отраженная в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, определяет задержание подозреваемого преимущественно как меру процессуального принуждения. Двойственная природа задержания в законодательстве получает дальнейшее развитие в УПК РФ, где содержание под стражей определяется одновременно как мера процессуального принуждения (ст. 5, п. 11) и как совокупность процессуальных действий (гл. 12). Данная двойная характеристика подчеркивает сложность задержания, охватывающую как его функциональную роль в системе уголовного правосудия, так и процессуальные последствия [7, с. 180].

Процессуальные составляющие задержания разнообразны и включают в себя различные действия, такие как допрос (часть 4 статьи 92), личный досмотр (статья 93), направление уведомлений (статьи 92 и 96). Данные компоненты подчеркивают многофункциональный характер задержания, служащего одновременно средством обеспечения безопасности подозреваемого и механизмом продвижения следственного процесса. Развивая эту точку зрения, такие авторы, как И. Е. Быховский и С. А. Шафер, отмечают, что задержание включает в себя поисково-познавательные элементы, указывая на его черты как элемента следственных действий. Данная точка зрения подчеркивает внутренние следственные характеристики, присущие процессу задержания, подкрепляя аргумент о том, что содержание под стражей является чем-то большим, чем просто мера принуждения. Несмотря на указанные различные точки зрения, официальный правовой статус задержания в российской правовой системе относит его к категории меры процессуального принуждения. Такая категоризация увязывает задержание с более широкой структурой юридических процедур, призванных обеспечить соблюдение требований и порядок в системе уголовного правосудия. Отметим, что многогранный характер задержания, как отмечает С. Б. Россинский, является свидетельством его сложного правового явления, охватывающего криминалистический, административный и другие аспекты [8, с. 92]. Данная многомерная характеристика задержания подчеркивает сложную взаимосвязь между его ролью как меры процессуального принуждения и его функциональными аспектами в рамках следственного процесса.

Одним из основополагающих вопросов в этом отношении являются дискреционный характер полномочий, которыми наделены должностные лица, осуществляющие уголовное производство [9, с. 67]. Согласно части 2 статьи 21 УПК РФ должностным лицам предоставлена значительная свобода действий при принятии решений о возбуждении дел и применении мер принуждения. Данное усмотрение, хотя оно и необходимо для эффективного правоприменения, также открывает возможности для субъективной интерпретации и потенциальных злоупотреблений.

Принцип публичности в уголовном процессе установлен с целью минимизировать подобные риски. Данный принцип направлен на предотвращение злоупотреблений законом и повышение прозрачности, обеспечивая, чтобы действия

правоохранительных и судебных органов подвергались общественному контролю. Однако эффективность этого принципа часто подвергается сомнению из-за использования оценочных категорий в уголовно-процессуальном праве. Законодательные органы используют такие термины, как «существенность», «разумность» или «ясность», предоставляя должностным лицам определенную свободу толкования при принятии важных решений, в том числе связанных с задержанием. Критерии задержания подчеркивают эту проблему. Решения о задержании могут основываться на субъективной оценке доказательств, таких как «очевидные следы преступления», которые во многом зависят от усмотрения сотрудников правоохранительных органов. Хотя такая свобода действий необходима для динамичного характера уголовных расследований, она также создает риск произвольного или необоснованного задержания [10, с. 8].

Процессуальные аспекты задержания изложены в статье 92 УПК РФ, которая разграничивает процесс задержания, начиная с физического акта задержания лица, подозреваемого в совершении преступления. Более того, закон ограничивает общий срок задержания 48 часами с момента фактического задержания (ч. 1 ст. 10 УПК РФ), но само это положение вносит двусмысленность в толкование нормы. Неясность заключается в отсутствии четкого регламента процесса и правил доставки задержанного к органам дознания или следователям. Данный пробел в УПК может привести к несоответствиям на практике, затрагивающим права задержанных лиц. Еще больше усложняет данный вопрос несоответствие в определениях УПК «фактического задержания» и «момента задержания». Первое понятие применяется в п.п. 11 и 15 ст. 5, п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ и, по сути, определяет момент непосредственного физического ограничения свободы подозреваемого, а второе в ч. 3 ст. 92, ч.ч. 2 и 3 ст. 94, ст. 96, ст. 100 УПК РФ определяет момент доставления лица в органы дознания или к следователю. Подобные несоответствия способствуют общей неопределенности вокруг процесса задержания, что допускает различные толкования и применения. Усмотрение, предоставленное должностным лицам в течение 48-часового периода задержания, еще больше усугубляет эту сложность. Данный период позволяет чиновникам планировать и организовывать мероприятия по проверке подозрений, однако отсутствие четких указаний о том, как следует использовать это время, оставляет место для потенциальных злоупотреблений [11, с. 143].

Формальный контроль за действиями следователя после задержания, хотя и предназначен для регулирования процесса, не обязательно требует немедленного проведения следственных или процессуальных действий для проверки подозрений. Наличие определенных сроков призвано контролировать действия следователя, однако одних данных сроков недостаточно для обеспечения эффективного и справедливого использования задержания. Данный пробел потенциально может привести к злоупотреблениям, когда задержание используется не как средство дальнейшего расследования, а как самоцель. Таким образом, правовая природа задержания в российском уголовном процессе характеризуется значительной неопределенностью и двусмысленностью. Данные опасения проявля-

ются в дискреционных полномочиях должностных лиц, использовании оценочных категорий, неясных процессуальных принципах и потенциальных расхождениях в толковании и применении законов, касающихся задержания. В совокупности данные факторы способствуют созданию правовой среды, в которой права задержанных лиц могут оказаться под угрозой, что подчеркивает необходимость более точных правил и более строгого надзора для обеспечения справедливости при применении практики задержания.

Фактически должностное лицо не совершает активных действий, явно выходящих за пределы его полномочий, которые могли повлечь существенное нарушение конституционного права [12], поэтому не подлежит ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 286 УК РФ. В равной степени не понесет ответственности лицо в соответствии с требованиями ст. 285 УК РФ и в случае злоупотребления дискреционными полномочиями при оценке явности следов преступления как основания к задержанию, потому как субъективное внутреннее убеждение исходит из оценочной категории, имеющей абстрактное значение и не определенной исчерпывающим образом в законе.

Следует согласиться с точкой зрения В. В. Кальницкого, который утверждает, что норма об исчислении срока задержания с момента фактического ограничения свободы не охватывается правосознанием большинства правоприменителей, осуществляющих уголовное преследование. Также автор вполне оправданно указывает на то, что существует противоречие в вышеуказанной норме в том, что фактическое лишение свободы или передвижения (оно происходит на улице, осуществляют его полицейские или граждане) не может производиться в порядке, предусмотренном УПК РФ, либо под фактическим лишением свободы надо понимать не первичный захват на месте, а решение о задержании или иные меры, принимаемые следователем [13, с. 82].

Тем самым вполне обоснованным, логичным и правильным представляется исчисление срока задержания осуществлять с момента попадания подозреваемого в поле зрения лица, производящего расследование по уголовному делу, т. е. с момента доставления, поскольку, ограничение свободы (административное задержание), по своей сути, это не комплекс уголовно-процессуальных мероприятий, которые необходимо выполнить с задержанным лицом следователю или дознавателю. А в случае, если лицо задержано незаконно, то и уголовно-процессуальные действия (например, допрос подозреваемого), проведенные в отношении задержанного, будут являться также незаконными и тем самым не могут выступать в качестве доказательств по уголовному делу.

На основании вышеизложенного считаем необходимым отметить, что задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения не в достаточной степени урегулирована законодательно, что порождает проблемы её применения. Нормы, регулирующие уголовно-процессуальное задержание, требуют своей корректировки, поскольку использование такой меры принуждения влечет ограничение конституционных прав и свобод личности, что не способствует достижению назначения уголовного судопроизводства.

Список использованной литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. №7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. №2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. №11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.; Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 41. – Ст. 6933.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 17 февраля 2023 г. № 30-ФЗ) // Парламентская газета. – 2001. – 22 декабря; Российская газета. – 2023. – 21 февраля.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» // Российская газета. – 2005. – 1 апреля.
4. Результаты работы следователей и органов дознания ОВД с 2019–2022 гг. // Официальный сайт ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России». – URL: <http://10.5.0.15/csi/modules.php?name=SmLong&go=showcat&cid=259> (дата обращения: 28.12.2023).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (с изменениями и дополнениями) // Российская газета. 2013. 27 декабря.
6. Кругликов А. П. Неотложные следственные действия / А. П. Кругликов // Уголовное право. – 2004. – № 3. – С. 93–94.
7. Россинский С. Б. К вопросу о сущности и правовой природе задержания, подозреваемого в уголовном судопроизводстве / С. Б. Россинский // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 1 (74). – С. 173–182.
8. Шейфер С. А. Проблемы развития системы следственных действий в УПК РФ / С. А. Шейфер // Уголовное право. – 2002. – № 3. – С. 90–92.
9. Желева О. В. Злоупотребление обвиняемым субъективными правами в ходе предварительного расследования: понятие, виды и пути его преодоления: дис. ... канд. юрид. Наук / О. В. Желева. – Томск, 2018. – 87 с.
10. Азаров В. А. Категория «злоупотребление правом» в уголовном процессе РФ: межотраслевой взгляд / В. А. Азаров, Д. М. Нурбаев // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. – 2016. – № 3 (21). – С. 5–12.

11. Смирнов А. В. Уголовный процесс / А. В. Смирнов. – Санкт-Петербург : Питер, 2005. – 702 с.
12. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19. // СПС «Консультант Плюс».
13. Кальницкий В. В. Задержание подозреваемого следователем (дознавателем) / В. В. Кальницкий // Законодательство и практика. – 2014. – № 2 (33). – С. 77–83.